

М.В. Михайлова, А.В. Назарова

Публицистика Е.Н. Чирикова периода Первой мировой войны

Русский писатель Евгений Николаевич Чириков (1864–1932) – автор двух книг, напрямую связанных с темой войны: Первой Балканской, проходившей на территории Болгарии и носившей антитурецкий характер (в ней, помимо Болгарии, участвовали Сербия, Черногория, Греция), и Первой мировой, – это «Поездка на Балканы» (1913) и «Эхо войны» (1915). Последнюю он посвятил памяти мужа своей дочери Новеллы, прапорщика Геннадия Петровича Рождественского, погибшего 15 февраля 1915 г., так что, можно сказать, эта война коснулась его лично. Обе книги были выпущены по материалам его корреспонденций, публиковавшихся, соответственно, в 1912 г. в газете «Киевская мысль» и в 1914–1915 гг. в «Русском слове». Именно от этих газет он был отправлен на фронт военным корреспондентом.

В первом случае мысль о поездке на Балканскую войну явилась внутренним порывом Чирикова. Как современник грандиозных событий, затрагивающих и изменяющих судьбу Европы, он хотел увидеть собственными глазами, вблизи, все, что происходит на передовых позициях. Отсюда его настойчивость в доведении до конца задуманного предприятия. Неслучайно так подробно, с упором на трагикомичность происходящего, он описывает бюрократические мытарства, сопровождавшие получение необходимых документов (от него потребовали справку со службы, с которой писатель расстался более 10 лет тому назад!). При этом Чириков очень ответственно подошел к своему назначению, предполагая даже, что придется расстаться с жизнью (16 октября 1912 г. им написано завещание, хранящееся ныне в Киевском музее Леси Украинки).

В Болгарии Чириков находился около двух месяцев. Выехал из Петербурга в 20-х числах октября, а вернулся приблизительно в середине декабря, о чем упоминает в письме И.М. Касаткину (РГАЛИ. Ф 246. Оп. 1. Д. 144. Л. 1), посланном ориентировочно в это время. Вблизи линии фронта он был до 27 ноября, после чего жил какое-то время в Софии, что следует из его письма С.А. Найденову от 30 ноября 1912 года (РГАЛИ. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 63. Л. 21).

Второй раз, в Польше, писатель пребывал вблизи позиций чуть более месяца. Но здесь он оказался уже несколько в другом качестве, в составе передвижного медицинского госпиталя, что дало ему новый опыт и новые наблюдения. Приблизительно в это же время на фронт сестрой милосердия пошла дочь Чирикова Валентина, причем – что показательно – отец отговаривал ее от этого решения, ссылаясь на сверхчеловеческое напряжение и невыносимые трудности, которые сам уже успел пережить. Кстати, возможно, подвиг его на решение отправиться и на эту войну разговор с Горьким. Чириков ужаснулся «пораженческому» настрою пролетарского писателя и его равнодушному отношению к народным массам, на плечи которых легла основная тяжесть войны («Людей на свете много. Народят новых. Чего жалеть дураков?») [Чириков, 1993, с. 375]. Выехал из Москвы Чириков 21 ноября, 2 декабря уже находился на территории Королевства Польского (точная датировка имеется в тексте очерков), а уже в середине января оказался дома (имеется письмо сотрудников «Русского слова», в котором говорится об условиях публикации).

В Болгарии и европейской Турции он, буквально идя по пятам болгарской армии и стремясь оказаться на линии фронта, побывал в городах Ямбол, Лозенград (турецкое название Киркилиссе), Адрианополь (болгарское название Одрин, турецкое – Эдирне), Мустафа-Паша. Эти наименования присутствуют в подписях к репортажам на страницах газеты. Польские города упоминаются в текстах самих корреспонденций. Поначалу Чириков должен был прибыть на фронт Ченстохов–Краков, но по мере приближения к фронту планы командования изменялись, и полевой госпиталь оказывался то в Ивангороде, то в городе Скаржиско, то в центре Радомской губернии – Конске, а затем, отправляясь в Новорадомск, развертывал свою работу в Опочне.

Восприятие и отражение событий Первой мировой войны в публицистике Е.Н. Чирикова были подготовлены его пребыванием на Балканском фронте, сформировавшем у писателя предельно негативное отношение к войне, психологии ее участников и военным действиям в целом. В одном из писем этого времени он поделился своими соображениями на сей счет: «Посмотрел поближе на войну, ее озверевших людей, на героев, побежденных и победителей. Любопытная война! Воюет весь народ, опозитизировал ее, украсил цветами, опалил патриотизмом, и поэтому свершилось чудо: горстка опрокинула огромную империю. Но... война всегда зверство и будит в человеке зверя... А это – особенно жестокая: сошлись посчитаться вековечные враги и быстро пропала всякая показная гуманность... Насмотрелся. Испытал сильное ощущение: был в 2-ух верстах от боя. Ад! А издали все-таки – грандиозно и тянет: смерть как-то притягивает своей величием...» [Чириков, 1912, с. 1].

Различие двух войн определялось участием в ней России. В Балканской войне Россия была задействована лишь косвенно, поскольку так или иначе затрагивались ее экономические и политические интересы на Балканах. И можно сказать, что в своих военных корреспонденциях с Балкан, куда он отправился по заданию газеты «Киевская мысль», Чириков более свободен от внешнего давления, патриотического чувства. Он может позволить себе более смелые и нелицеприятные суждения, обратиться к философии войны, разобраться в психологии воюющих. Свидетельством тому является отсутствие художественного «претворения», которое имело место при обращении к теме Первой мировой войны, когда свои «военные рассказы» писатель начал создавать еще до поездки на фронт. Публикация в «Русском слове» «миниатюр» «Герой», «Чудо», «Их тайна», «Без крыльев» (жанровое определение довольно условно, так как перед нами пространные описания) проходила с сентября до середины ноября 1914 г. И только опубликованный под Рождество *святочный рассказ* «Свидание с братом» и последний из напечатанных – рассказ «Сестра» – созданы на основе действительно увиденного и пережитого в зоне военных действий.

Итак, в «Киевской мысли» в 1912 г. с поражающей регулярностью (обычно через номер, иногда в каждом номере, редко – че-

рез пять-шесть номеров) появилось 20 текстов собственного военного корреспондента, которые потом и были воспроизведены в книге. В газете «Русское слово» опубликовано 5 обозначенных выше художественных текстов, но в книге они дополнены рассказами «Война», «Добровольцы», «Иван в раю», «Дядя Алеша», действие в которых по большей части связано с тыловыми буднями. Такая же разноголосица наблюдается при сопоставлении публицистических текстов. Три из опубликованных в газете («В передовом отряде», «Ночь в обозе», «Под орудийным огнем» – в книге он назван «Под огнем») перенесены в книгу и дополнены уже упоминавшимся «Свиданием с братом», получившим теперь название «Свидание», что придало ему более всеобъемлющий смысл. Таким образом, за бортом однотомника остались «Пара сапог!» и «В тылу и около позиций», напечатанные в начале января 1915 г. Причину такой избирательности вряд ли можно установить с предельной точностью. Тут могла сыграть свою роль и неудовлетворенность Чирикова тем, что вышло из-под его пера, и работа военной цензуры (в письме ему из газеты находим признание: «В Ваших статьях редакционной цензуры почти совершенно нет. А вот военная действительно Вас корежит изрядно, в чем можете убедиться, просмотрев цензурованные гранки» [Письмо, 1915, с. 1]), а возможно, что Чириков хотел «сбросить» с себя иго военного корреспондента и пожелал опять предстать перед читателем в облике беллетриста (беллетристическая часть книги под названием «Здесь» в полтора раза больше той, в которой помещены «отчеты» военного корреспондента, озаглавленные «Там»).

Несомненно одно: он исключил из книги те очерки, которые вступали в «конфликт» с его беллетристическими сочинениями, созданными по устоявшимся канонам, характерным для прозы писателя. Ведь не случайно в книге не перепечатан очерк «Пара сапог!», где есть тирада, противопоставляющая единичный случай героизма русского солдата, пусть и часто встречающегося, тому ежедневному терпению, которого требуют от человека будни войны: «Мученики! Один сплошной геройский подвиг... в выносливости и терпении... Что перед ним та вереница различных единичных подвигов, которыми наполняются страницы газет? Ведь в

миллионных массах войск на огромном протяжении боевого фронта – это все-таки только отдельные эпизоды, случаи, и не они делают музыку... О если бы вы только видели, как вечно идут куда-то и днем, и ночью изусталые ратники, идут под дождем, промокшие до костей под холодными пронизывающими ветрами, часто по колена в грязи; если бы вы видели, как им приходится отдыхать и жить, – вы только тогда поняли бы, что совершается великое состязание на выносливость и терпение <...>» [Чириков, 1915, № 4, с. 4]. А не появился он в книге именно потому, что помещенные в ней художественные произведения Чирикова как раз и рисуют *единичные* подвиги простых солдат, совершенно не подозревающих о том, какие героические поступки они совершают («Герой», «Иван в раю»). В рассказах представлено детское восприятие войны, способное высветить чудовищность происходящего («Добровольцы», «Дядя Алеша»), передан контраст между любовью, которая может осуществиться только в условиях мирной жизни, и трагедией войны («Их тайна», «Без крыльев», «Чудо»). И это приводит к тому, что, хотя пацифистская позиция Чирикова идеологически не совпадает с ура-патриотической линией в русской литературе тех лет, что явно прочитывается в его публицистике, в художественной практике оказывается не выявленной, сглаженной, ибо писатель воспекает терпение и выносливость, непоказной героизм русского человека, чаще всего носящего имя Иван...

В рассказах Чириков откровенно использует уже опробованные им ранее приемы и способы повествования, и даже сюжетные ходы. «Иван в раю» напоминает его ранний рассказ «Бродячий мальчик»: и там и здесь пребывание простого человека в больнице (Иван Егоров попадает туда после ранения) приравнивается к райскому житию, что служит косвенным доказательством чудовищных условий жизни простых людей. Особенно усиленно «эксплуатирует» Чириков сказовое начало (ему всегда удавалась сочная передача народного говора). Так, горничная Матреша никак не может взять в толк, как из ее мужа-разини получился герой, награжденный Георгиевским крестом, и потому все время заставляет его перед господами рассказывать о произошедшем с ним на фронте. Это дает возможность автору дополнить ее причитания

повествованием Ивана Коптяева о своем подвиге, а дополнительный эффект получается от того, что тот все время сбивается на рассказ о том, как ему немец при рукопашной едва палец не отгрыз, а не рассказывает о бое, где он потерял ногу. «Иван в раю» построен на передаче впечатлений то ли родственника Ивана, то ли его однополчанина (а может, и его самого) от злоключений на войне. Под конец автор напрямую передоверяет герою произведения повествование, приведя дословно текст его письма к жене. «Детский говор» оттеняет жажду героического на примере бегства на войну Коли Перепелкина и Васи Никонова, которым все же не удается достичь поставленной цели. Но их родители не только не наказывают, а, напротив, начинают ими гордиться. Не менее комичными выглядят уговоры племянников, обращенные к дяде Алеше, хромать «посильнее», чтобы все видели, как он пострадал на войне.

Для усиления эмоционального воздействия на читателя Чириков чередует комическое и драматическое: приезд на побывку домой выздоравливающего дяди Алеша и гибель в первом же бою его случайного знакомого, неожиданное возвращение в мирную обитель дворянской усадьбы считавшегося убитым Павла и смерть не выдержавшей радости его приезда бабушки, о которой, впрочем, «никто не плакал» [Чириков, 1916, с. 111]. А отъезд на войну молодого человека и, следовательно, подстерегающая его опасность позволяют наконец ему и влюбленной в него девушке объясниться (в рассказе много автобиографических моментов, касающихся дружбы семейства Чириковых и Рождественских, зарождающейся любви Новеллы Чириковой и Геннадия Рождественского). И уж совсем в своей комической стихии оказывается писатель, когда рисует реакцию обывателя на известие о начавшейся войне. Жители забытого Богом городка, никогда ранее не интересовавшиеся ни политикой, ни внешней обстановкой, но в один миг почувствовавшие себя патриотами, защитниками Отечества, ополчаются на обрусевшего немца-аптекаря, давнего своего знакомого, Карла Иваныча Розенфельда: они не желают иметь с ним ничего общего и, подозревая в нем пособника врага и шпиона, делают все, чтобы того арестовали. И этот присутствующий везде комический элемент все же спасает беллетристику

Чирикова от банальности и выделяет ее среди многочисленных опусов военной тематики этих лет.

Совсем иным предстает Чириков в своих военных корреспонденциях. Здесь уже нет места ни сентиментальности, ни прекраснотушному лиризму, ни мягкому юмору. А если появляются комические элементы, то это не расхожие приемы комикования, а реальные ситуации, имевшие место в действительности, которые можно охарактеризовать присловьем: «хоть смейся, хоть плачь»...

Рецензент «Русского богатства» (см. Русское богатство. 1913. № 9. С. 363–365), негативно отзывавшийся о книге «Поездка на Балканы», в первую очередь был возмущен тем, что Чириков уделил столько внимания своей отправке на фронт, просто «погряз» в описании «тины мелочей» в ущерб обрисовке военных событий. Но в этом и особенность, и сильная сторона творческой индивидуальности Чирикова, что он именно через быт, обыденность, будни умеет прозревать серьезное, истинное и принципиально важное. Приземленное, бытовое – это тот ракурс, который избирает художник, чтобы подчеркнуть важность проживания каждого дня. Сделать его хоть сколько-нибудь сносным, помогающим человеку достойно переживать неурядицы – вот перво-степенная задача, особенно существенная для русского сознания, всегда устремленного «прочь от земли», к высокому и духовному. «Хорошая и теплая обувь на солдатских ногах ныне так же важна, как пушки, пулеметы, аэропланы» [Чириков, 1915, № 4, с. 4]. Писатель словно бы присоединяется к воплю, раздающемуся из военных колонн: «Сапоги, сапоги, сапоги! Бросьте все эти “елки в окопах”, – шлите сапоги, одни сапоги <...> Без сапог нельзя воевать... Спешите!» [Чириков, 1915, № 4, с. 4]. Здесь следует заметить, что Чириков не использовал «мотивной» возможности, которую неожиданно открывала «сапожная тема». Помести он этот очерк в книгу – и тогда совсем по-новому «заиграл» бы рассказ «Герой», где герой спас себе жизнь тем, что при отступлении сбросил натиравшие ноги сапоги. И завершающая рассказ реплика: «Кабы в сапогах – невозможно. Хорошо, Господь разуться надоумил» [Чириков, 1916, с. 98] – прозвучала бы по-иному и очень к месту. И еще более убедительно прозвучало бы противопоставление

«здесь» и «там», если бы автор поместил в книгу очерк «В тылу и около позиций», где дано четкое противопоставление реальности и фантазий, «разукрашивающих» страницы газет. В этом очерке Чириков словно бы бросает вызов военной публицистике, традиционно падкой на яркое, кричащее, шумное и выигрышное. «Тыл изобилует героями, – пишет он, – и здесь именно творится героическая легенда и создаются разные удивительные истории, случаи и фантастические эпизоды, которые ловит корреспондентское ухо и затем под в нос бьющим заголовком преподносит читателям. Может быть, от этого читателям, находящимся далеко от войны, последняя рисуется как яркая, красочная картина красивых подвигов, красивой смерти, красивых проявлений человеческого духа. Я не буду разочаровывать читателя. Да, конечно, много таких случаев и эпизодов, но все-таки это – случаи, эпизоды, не больше, и не они представляют сущность войны, лицо ее». В этом предложении сформулирована задача, которую поставил перед собой Чириков в своих военных корреспонденциях, задача, восходящая к заветам Л. Толстого: нарисовать именно подлинное «лицо войны», не разрисованное и приукрашенное, а такое, как у офицера «с позиций или пробирающегося к позиции!». Он «скромен, тих, углублен и молчалив. Словно чужой здесь. Сидит одиноко в углу, и одежда не блестит чистотой и покровом. И неопытному человеку и в голову и не придет, что, быть может, он-то и есть теперь в зале единственный и настоящий герой» [Чириков, 1915, № 3, с. 4].

Иными словами, задачей писателя, хотя и не сформулированной, становится разоблачение мифов о войне, бытующих в общественном сознании и активно насаждаемых печатными изданиями. При этом Чириков настолько резок, что неоднократно использует для обозначения хвастливых лжецов выражение «сивый мерин», даже создает их «типологию». «В тыльных центрах, – пишет он в очерке “В тылу и около позиций”, – два неравных по количеству типа сивых мерин: огромное большинство сивых мерин – оптимисты, меньшинство – пессимисты». Но тот и другой рассказывают так, что «и сам весь, с головы до пяток, окутывается ореолом героизма, храбрости, удалства и прочих добродетелей» [Чириков, 1915, № 3, с. 4].

Резкое неприятие подобного подхода к войне Чириков утвердил еще в корреспонденциях с балканской арены военных действий, поэтому он и рисует тесноту в вагонах, отсутствие буфетов, неудобство повозок, грязь на дорогах, что, собственно, и переживает каждый призванный на войну на своей шкуре и что составляет ее подлинное содержание: «Моросит дождь, сырой и холодный ветер пронизывает до костей, море липкой грязи, от которой разъезжаются ноги у людей и лошадей, увязшие возы, выволакиваемые из колдобин пушки, огромные переходы, остановки в маленьких деревнях, где в пяти-десяти избах должны обогреваться тысячи солдат и десятки офицеров, по неделям жизнь в окопах, от бесконечных дождей похожих на водоотводные или осушительные каналы, и еще многое такое, о чем я не буду распространяться». И продолжением этой «тягомотины» становятся бои, которые Чириков описывает со слов солдат, добавляя свои в «толстовском духе» сделанные наблюдения: «Тяжкая работа и днем, и ночью, изнуряющая и нервы, и мускулы, упорная прозаическая работа, от которой люди часто падают, как ломовые лошади от непомерной тяжести... <...> Работа, а раненые и убитые – это побочный продукт производства. Поговорите с любым только что привезенным раненым солдатом: ничего не знает, что и как было, чем кончилось и как началось; он – только маленький винтик огромной машины; сидел в окопе и дергал собачку ружья, направленного в сторону невидимого неприятеля на известном прицеле, указанном ротным командиром... И вдруг его “вдарило”! Отполз, отлежался, подобрали санитары, – вот и все» [Чириков, 1915, № 3, с. 4].

На этом деловом «аспекте» Чириков заостряет внимание, подбирая самые разнообразные сравнения для передачи звуковой палитры войны. Непривычные шумы, наверное, то главное, что в первую очередь поразило его при приближении к линии фронта: «<...> как бурливая река, гудело шоссе под непрерывным живым потоком людей и животных; ночную темноту прорезало конское ржание, сердитые окрики всадников и обозных» [Чириков, 1916, с. 137]. Он даже изошрен в нахождении эпитетов и глаголов: равномерно и деловито «потрескивают» ружья, пушки «грохают»,

донимает «пулеметная трескотня», но «страшны» артиллерийские залпы, «дрожат» стекла от канонады. А в целом может показаться, что «какая-то фабрика работает», или еще проще: ружейная стрельба напоминает «рубку капусты в деревне». А пулеметы работают словно «швейные машины» [Чириков, 1916, с. 148] в отличие от ружей, чей «сухой стук», напротив, напоминает усердную работу на «пишущих машинах» [Чириков, 1916, с. 157]. И только ночь рождает передышку: тогда обычно перестают «рубить капусту и строчить на швейных машинках» [Чириков, 1916, с. 149]. Для усиления впечатления Чириков как бы мимоходом замечает: «Ведь какая подлая машина: не требует особенной храбрости, величия духа и гордости, ничего не требует, кроме умения шить на этой машине» [Чириков, 1916, с. 150]. Прозаизмы писателя, таким образом, ярко оттеняют «производство смерти и трупов», к чему сводится, по его убеждению, современная война

В корреспонденциях о Первой мировой войне приписанный к «Летучке» (передвижной санитарный отряд) писатель находится в непосредственной близости от войны, видит ее оборотную сторону (мучения раненых, смерти убитых, тяжесть фронтового быта). В откликах с Балкан рассказчик «гонится» за войной, боясь «опоздать» и пропустить самое важное (не может получить разрешение от болгарских властей на дальнейшее передвижение, возникают трудности с нахождением мест дислокации, не хватает лошадей, обозы идут медленно и т. п.), а она как будто «ускользает» от него (сражения происходят не там, где должны быть, и он только слышит грохот орудий, свист пуль, канонаду и пр.). Но в итоге война настигает повествователя, но в еще более страшной форме. Двигаясь по следам военных действий, писатель видит ее результаты: разоренные и брошенные дома, одичавших животных, сломанные детские игрушки, изрытые окопами поля, забытые виноградники, горе семей, откуда ушли воевать или были угнаны турками мужчины, раны солдат в госпиталях. Но там и там смерть поставлена «на поток», происходит обезличивание человека. И эта подмеченная писателем «машинность» отражается в композиционном решении и очерков, и книг в целом. Движение рассказчика по кругу передается с помощью текстовых повторов. Тем самым создается ощущение

ние безумия происходящего, в которое ввергнут человек. У него не остается выбора, он не может спастись...

Подводя итог, можно указать на главную особенность военной публицистики Чирикова, которая заключается в том, что она явила читателю военные очерки «без войны». И то, что могло бы показаться недостатком, благодаря найденному углу зрения и художественной проработке темы стало победой Чирикова-публициста и писателя.

Литература

Письмо редакции газеты «Русское слово» Е.Н. Чирикову 15 января 1915 из Москвы (Киевский музей Леси Украинки. Д. 1735).

Чириков Е.Н. Письмо И.М. Касаткину от 15 января 1912 года (?) // РГАЛИ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 144).

Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. СПб., 1913.

Чириков Е.Н. Пара сапог! (Около войны) // Русское слово. 1915. № 4. 6 (19) янв.

Чириков Е.Н. Эхо войны. 2-е изд. М., 1916.

Чириков Е.Н. В тылу и около позиций. (Около войны) // Русское слово. 1915. № 3. 4 (17) янв.

Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. № 3.

И.С. Приходько

Александр Блок и Первая мировая война (1914–1915)*

В жизни Блока в связи с Первой мировой войной можно выделить три периода:

1) лето 1914–1915 (захваченность событиями, участие в них, проводы жены на фронт, ее письма, стихи о войне, книга «Стихи о России». Пг., 1915);

2) 1916 (осознание «невеликости» этой войны, призыв Блока на военную службу в прифронтовой полосе белорусского Полесья, собственно служба с начала августа 1916 по 20 марта 1917);

3) 1917–1918 (замена военной службы службой в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию деятельности членов царского правительства, война и революция).

Для изучения каждого периода есть свои источники, но общие для всех – это записные книжки Блока, его письма и письма к нему, многие из которых остаются неопубликованными и не введенными в научную биографию Блока.

В данной статье в поле рассмотрения будет первый период. В качестве источников, кроме личных документов, здесь будут привлечены газетно-журнальные материалы, которые помогут объективировать картину жизни, деятельности и творчества Блока первых месяцев войны.

Однако начать необходимо с записных книжек, в которых получает отражение как внешняя, так и внутренняя жизнь поэ-

* Выражаю благодарность Н.Ю. Грякаловой и О.А. Лекманову за обсуждение этой работы, представленной в виде доклада на круглом столе «Политика и поэтика» 2 ноября 2012 г. Высказанные ими соображения позволили мне скорректировать акценты.